

Мои замѣтки и воспоминанія.

(Автобіографическія записки Высокопреосвященнѣйшаго Леонтія, Митрополита Московскаго).

(Продолженіе) ¹⁾.

Еще о Безакѣ.

Главный начальникъ юго-западнаго края А. П. Безакъ былъ человекъ дѣла. Не любилъ онъ много говорить, зато разъ сказанное приводилъ въ исполненіе, и требовалъ отъ другихъ полной исправности. Для поляковъ подольскихъ, точнѣе—для помѣщиковъ польскихъ, и ксендзовъ онъ былъ грозою; и они притихли. Отлично понимая дѣло мировыхъ учреждений, Безакъ велъ его подѣ главнымъ своимъ направленіемъ. Къ православному духовенству онъ относился почтительно. И хотя давалъ проэктъ выселять мѣстныхъ священниковъ въ чисто русскія губерніи, а на мѣсто ихъ вызывать великоруссовъ, но когда я выяснилъ ему дѣло со всѣхъ сторонъ, —самъ отказался отъ своего предположенія,—и чтобы загладить свой неправильный взглядъ на мѣстное духовенство, просилъ меня: „Что я могу сдѣлать для него?“ Я отвѣчалъ: „Прибавить жалованья,“—и жалованье, по его ходатайству, прибавлено до 300 р. священнику, тогда какъ въ Сѣверо-западномъ краѣ еще долго послѣ этого оставалось прежнее—мизерное. Зато и духовенство помнитъ Безака съ благодарностію и молится за него.

Лично ко мнѣ Безакъ имѣлъ полное довѣріе и расположеніе,—и это весьма много способствовало моему вліянію на дѣла мѣстныхъ, которыхъ было такъ много, при безпре-

¹⁾ См. „Б. В.“ 1914 г., январь.

рывныхъ сношеніяхъ и столкновеніяхъ гражданской и духовной власти. Случалось, что по моимъ секретнымъ сообщеніямъ давалось направленіе нѣкоторымъ дѣламъ гражданскимъ, которое избличало тайныя козни враговъ или недалеко-видность подчиненныхъ русскихъ властей, и приводило къ результатамъ благодѣтельнымъ. Изъ уваженія и расположенія ко мнѣ, Александръ Павловичъ выхлопоталъ для архіерейскаго Подольскаго дома передачу хутора (Щюлковцы) съ землею, принадлежавшими бискупу. Не безъ его содѣйствія выхлопоталъ я и 65 десятинъ казеннаго лѣса у министерства Государственныхъ имуществъ. Не могу не вспомнить здѣсь и покойнаго министра Государственныхъ имуществъ Зеленаго съ благодарностію. Доброе письмо его ко мнѣ о лѣсѣ, конечно, хранится еще въ Подольской духовной Консistoriи. Но ратоборець за русское дѣло—Безакъ имѣлъ много и враговъ въ высшихъ петербургскихъ сферахъ, особенно министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ, всегда лавировавшій, не жаловалъ Безака и устраивалъ ему неприятности, которыя и сократили жизнь его. Валуевъ, корчившій изъ себя лорда, — по справедливости назывался въ обществѣ Виляевымъ. Когда я, отъѣзжая изъ Петербурга въ Подолію, представился къ нему для совѣтовъ, онъ около часу ораторствовалъ предо мною о положеніи Юго-западнаго края, — а въ итогѣ вышли одни слова, а, пожалуй, и совѣтъ, вродѣ того, чтобы и козы были сыты, и сѣно было цѣло.—Горе съ такими ораторами! Князь Дондуковъ-Корсаковъ, занявшій мѣсто генераль-губернатора послѣ Безака (1870 г.), хотя и русскій человекъ по душѣ, дѣйствовалъ слабѣе и далеко уступалъ въ твердости характера своему предмѣстнику, особенно относительно дѣлъ по мировымъ учрежденіямъ.

О Подольскихъ губернаторахъ нѣчто.

Въ бытность мою Подольскимъ архіереемъ въ Каменцѣ-Подольскѣ перемѣнилось пять губернаторовъ. О Брауншвейгѣ я уже сказалъ прежде, упомянулъ отчасти и о Сухотинѣ. О послѣднемъ скажу еще нѣсколько словъ. Н. Н. Сухотинъ, — рыцарь по характеру, но неопытный въ гражданскихъ дѣлахъ, приносилъ однакожь пользу своимъ чисторусскимъ направленіемъ и обращеніемъ. Къ сожалѣнію, онъ,

служившій прежде въ артиллеріи съ Безакомъ, сразу сталъ въ непріятныя отношенія къ нему, и не скрывалъ этого, рѣзко выражаясь о своемъ начальникѣ, по прежнимъ артиллерійскимъ дѣламъ. Самъ однакожь Сухотинъ, по широкой русской натурѣ, позволялъ себѣ поступки, не очень-то благовидныя для губернатора въ моральномъ отношеніи, на примѣръ въ театрѣ, по окончаніи спектакля, когда еще занавѣсъ не совсѣмъ опустилась, за кулисами пустился въ присядку плясать. И за это потерпѣлъ, скоро долженъ былъ уволиться. Русскіе люди пожалѣли о немъ.

На мѣсто Сухотина назначенъ былъ полковникъ Горемыкинъ, сначала исправляющимъ должность, а потомъ, съ полученіемъ чина генерала,—губернаторомъ. Молодой, ловкій, получившій образованіе въ военной академіи, онъ мастеръ былъ говорить; но при своихъ знаніяхъ научныхъ, явился сразу неопытнымъ, требующимъ руководства, и конечно, дѣлалъ промахи, довѣряясь секретарю поляку Козловскому, за что потерпѣлъ по дѣламъ тюремнаго комитета, хотя я, какъ тоже вице-предсѣдатель тюремнаго комитета, предостерегалъ его много разъ и не подписывалъ тѣхъ журналовъ, которые послужили поводомъ къ его увольненію, по наряженному слѣдствію. Столкновенія съ Горемыкинымъ у насъ были частыя по дѣламъ духовенства, но мы не ссорились, и простились мирно. При прощаніи со мною онъ плакалъ. и говорилъ: „Какъ я жалѣю, что не слушалъ Вася!“ Теперь онъ дивизіонный генералъ въ Одессѣ, гдѣ мы въ 1874 г. и встрѣтились любезно. Къ чести Горемыкина, надо сказать, что онъ человекъ вѣрующій и набожный.

Преемникъ Горемыкина князь Иванъ Васильевичъ Мещерскій, назначенный по желанію князя Дундукова-Корсакова,—совершенная противоположность предшественнику. Умный, работающій, но до нельзя горячій и съ барскими привычками, онъ тяжело былъ и для другихъ, и для себя. Формалистъ безсердечный, онъ не задумывался играть судьбою другихъ, подчиненныхъ ему, не разобравъ въ точности дѣла; вѣчно больной, съ неизбѣжнымъ пледомъ на ногахъ и въ кабинетѣ, онъ изъ за бумагъ смотрѣлъ на людей; въ церковь за исключеніемъ молебствій въ царскіе дни не ходилъ; къ духовенству и дѣламъ челоуѣколюбія не расположенъ. Но я не уступалъ ему въ незаконныхъ его нареканіяхъ и

придиркахъ, и выставялъ дѣло—какъ есть и должно быть, а не какъ кажется ему. До чего Мещерскій былъ горячъ, приведу фактъ. Разъ какъ-то утромъ заѣзжаю я къ нему, и вижу въ залѣ разрушеніе нѣкое, лампа разбита, стекла на полу валяются. „Что это, князь?“—„А вотъ видите, какой у меня дурной характеръ, разсержусь, и ничего не помню какъ будто, бью и человѣка, и что подъ руку попадется“. Прибѣтъ онъ, нерѣдко, лакея, а потомъ, успокоившись, даетъ ему 25 руб. Не поладивши съ генераль-губернаторомъ, хотя былъ съ родни ему, Мещерскій самъ ушелъ изъ Подоліи, не оставивъ по себѣ доброй памяти.

На мѣсто Мещерскаго поступилъ А. С. Мухановъ изъ Варшавы,—человѣкъ съ изящными манерами, образованный, артистъ въ душѣ; но космополитъ по направленію. Деликатный и добрый, онъ велъ дѣло безобидно, но какъ чахоточный, не могъ много заниматься дѣлами, и къ сожалѣнію, давалъ волю своей женѣ, извѣстной Матильдѣ Карловнѣ, урожденной Фелейсенъ, которая вышла за Муханова, по разводѣ съ первымъ мужемъ. Эта бойкая дама много вмѣшивалась въ дѣла, и вредила мужу. Съ Мухановымъ я былъ въ хорошихъ отношеніяхъ,—и онъ всегда былъ внимателенъ къ нашимъ дѣламъ, хотя больше по приличію, чѣмъ по сердцу, какъ космополитъ. По дипломатической части онъ былъ бы болѣе на мѣстѣ, и желалъ того. По своему характеру онъ чуть не подвергся серіозной опасности. Разъ—какъ-то заходитъ Мухановъ ко мнѣ съ хлыстикомъ, въ пиджакѣ, и говоритъ: „Я пришелъ проститься съ Вами, ѣду умирать бунтъ въ селѣ Чечельникѣ—имѣніи графа Орлова“ (покойнаго уже посла въ Парижѣ). „Такъ Вы и поѣдете?“ говорю. „Да, такъ“.—„Ну смотрите, худо выйдетъ. Возьмите парадный мундиръ и ордена, иначе крестьяне не признаютъ Васъ“.—„Вотъ пустяки“—а вышла моя правда. Когда Мухановъ явился въ Чечельникѣ на сходы и сталъ убѣждать крестьянъ не противиться распоряженіямъ начальства (дѣло шло о земельномъ надѣлѣ, и они требовали, по своему, справедливаго).—они заговорили: „Ты якій се губернаторъ? Се якій немецъ“, и загалдѣли такъ, что онъ долженъ убраться по добру, по здорову,—вспять. Это было, помнится, въ 1873 г. 27 іюля въ день рожденія покойной Императрицы Маріи Александровны, я служилъ въ Чечель-

никѣ, и собравшемуся въ большомъ количествѣ народу объяснилъ важность и необходимость повиновенія, и весь вредъ бунта, когда можно заявлять свои прошенія скромно и не огуломъ; и жители Чечельника успокоились. Такимъ образомъ—я усмирилъ бунтовавшихъ словомъ отъ сердца,—и вмѣняю это себѣ въ заслугу, на которую, конечно, никто не обратилъ вниманія. Умѣючи всегда можно дѣйствовать успѣшно на народъ, который нельзя же трактовать какъ было,—выражаясь по западному. Какъ часто у насъ изъ простаго недоразумѣнія дѣлають исторіи, и изъ искры производять пожаръ по неразумію, или, хуже того.—по желанію отличиться своею энергіею! При Мухановѣ я выѣхалъ изъ Каменца Подольскаго, а онъ вскорѣ тамъ и скончался—отъ чахотки.

Итакъ, въ продолженіи моего управленія Подольскою Епархіею, въ теченіи неполныхъ одиннадцати лѣтъ, въ Подоліи перемѣнилось пять губернаторовъ. Такія частыя перемѣны могутъ ли служить къ пользѣ края? Надобно быть разборчивымъ въ назначеніи начальниковъ губерніи и дѣльныхъ держать долѣе на одномъ мѣстѣ—тогда можно ожидать успѣха въ дѣлахъ. А у насъ ставятъ на отвѣтственную должность часто совсѣмъ неопытныхъ. Онѣ, учась управленію, напутаетъ, надѣлаеть глупостей; а другой ихъ же повторяетъ въ другомъ родѣ только, и уступаетъ мѣсто подобному самодуру.

Упомянулъ я, хотя коротко, о современныхъ мнѣ въ Подоліи губернаторахъ, потому что я находился въ постоянномъ соприкосновеніи по дѣламъ, которыя въ среднихъ губерніяхъ архіереямъ и неизвѣстны. Упомянулъ и потому, что я имѣлъ на нихъ и вліяніе съ той, или другой стороны, по своему положенію.

Мировые посредники въ Подоліи 1865—74 г.г.

Учрежденіе мирового института, какъ привыкли говорить, а проще—учрежденіе мировыхъ посредниковъ въ Юго-западномъ краѣ—безспорно принесло великую пользу для народа. Но нельзя сказать,—что всѣ мировые дѣятели, напримѣръ, въ Подоліи, стояли на высотѣ своего положенія. Пріѣзжали

на должность, которая такъ важна по своему значенію для народа, молодые люди, гусарскіе корнеты, напрімѣръ, или же непригодившіеся въ другихъ мѣстахъ,—шаткіе по направленію, разгульные по жизни. Положимъ, и малосвѣдущіе подъ руководствомъ предсѣдателя своего могли причуться къ дѣлу; но каково было вліяніе ихъ на народъ? Съ грустію скажу,—что не мало было мировыхъ кутиль, которые вносили развратъ въ селахъ, въ самомъ широкомъ смыслѣ. Припоминаю случай крайне прискорбный. Въ одномъ селѣ Ущицкаго уѣзда (близъ г. Миньковецъ), куда я прибылъ для ревизіи прихода, цѣлая толпа женщинъ около церкви стала на колѣни предо мною съ прошеніями. Что значить, думаю? Оказалось, что жалоба отъ дѣвицъ обезчещенныхъ въ домѣ графа Стадницкаго, и уже явно носящихъ на себѣ знаки преступленія. При дальнѣйшемъ разслѣдованіи, хотя и не гласномъ, оказался виновнымъ не одинъ графъ Стадницкій—полякъ, а и мировые посредники, учинявшіе въ графскомъ палацѣ оргіи и аеинскіе вечера. Какой соблазнъ! Да и какое преступленіе! Въ самыхъ Миньковцахъ жилъ мировой нѣкто Чижевъ, москвичъ родомъ, хорошей фамиліи. Онъ переманилъ къ себѣ кухарку, живущую у священника, и одѣвъ ее по барски, преспокойно разбѣжалъ съ нею по селу къ соблазну поселянъ. И это продолжалось—до самой женитьбы, конечно, не на поселянкѣ своей.—Умалчиваю о частныхъ случаяхъ ополеченія нѣкоторыхъ посредниковъ въ средѣ польскихъ помѣщиковъ. Были мировые и хлопоманы, напрімѣръ, Гатцукъ, который въ своемъ районѣ Проскуровскаго уѣзда вводилъ въ школахъ малорусскія азбуки и руководства, и подавалъ поводъ мнѣ жаловаться на него генераль-губернатору—за это. Помимо этого хлопоманства Гатцукъ былъ весьма дѣльный посредникъ. Не вхожу въ сужденіе вообще о дѣятельности мировыхъ—не зная точно о ней,—да и не мое дѣло это; но не могу не упомянуть о томъ, что ихъ взгляды измѣнялись, по внушенію ли свыше (послѣ Безака), или по собственному усмотрѣнію, трудно сказать. Даже такіе люди, какъ Н. И. Пироговъ знаменитый, оказались невѣрными самимъ себѣ. Пироговъ, пока самъ былъ мировымъ и предсѣдателемъ сѣзда мировыхъ посредниковъ, онъ усердно стоялъ за интересы поселянъ своего района въ Винницкомъ уѣздѣ, а когда

самъ сдѣлался помѣщикомъ тамъ же въ Вишнѣ, оставивъ свою должность, очень порицалъ мировыхъ, дѣйствовавшихъ въ прежнемъ его же духѣ, и, конечно, несправедливо. Помѣщикъ и землевладѣлецъ Пироговъ не выказывалъ любви къ народу, да и къ церкви. Я убѣдилъ Николая Ивановича быть церковнымъ старостою въ его селѣ Вишнѣ, надѣясь, что онъ позаботится о сельскомъ храмѣ, и совѣтовалъ ему поставить кружку въ его приѣмной для больныхъ, которыхъ стекалось къ нему великое множество. Что же? Кружка поставлена, только не у него, а при церкви,—и разумѣется никакого собору не было,—а церковь находилась въ плачевномъ состояніи. Не пользовался любовью Пироговъ въ Подоліи за свое корыстолюбіе, въ которомъ, впрочемъ едва ли онъ повиненъ. Вина падала на жену и жидовъ, которые его окружали. Много нехорошихъ разказовъ ходило по Подоліи относительно Пирогова. Церковнымъ старостою онъ только числился, а на церковь ничего не давалъ, по крайней мѣрѣ, въ мою бытность. Лично ко мнѣ Пироговъ относился всегда очень внимательно, и я при каждомъ посѣщеніи Бинницы заѣзжалъ къ нему въ Вишню; а онъ являлся на служеніе мое въ соборѣ,—всегда парадно и приглашалъ къ себѣ. Пироговъ понималъ хозяйство очень хорошо,—и его имѣніе находилось въ отличномъ состояніи. Распространился я о Николаѣ Ивановичѣ въ виду значенія его имени.

Подольское духовенство въ 1864—1874 г.г.

Припомните отзывъ преосвященнаго Ринарха о Подольскомъ духовенствѣ, сказанный мнѣ подъ Тулою на почтовой станціи.—и вы согласитесь, что сразу я поставленъ былъ въ затрудненіе и недоумѣніе при первыхъ шагахъ управленія Епархіею. Слишкомъ рѣзкій судъ моего предмѣстника заставлялъ меня внимательно всматриваться въ дѣло, выслушивать моральныя болѣзни, какими страдало духовенство, чтобы приниматься за леченіе ихъ, вникнуть въ положеніе его и отыскать хорошія стороны въ немъ — для безпристрастнаго сужденія. Не мало для этого потребовалось времени; нужно было на практикѣ, въ селахъ увидѣть лицомъ къ лицу пастырей и паству. Но на первыхъ же порахъ, еще до поѣздки по Епархіи, пришлось мнѣ убѣдиться, что пре-

освященный Иринархъ неправъ въ своемъ отзывѣ; ибо онъ и не начиналъ дѣла поправленія недостатковъ духовенства. да и не зналъ его, потому что не хотѣлъ знать, соблюдая одну формальность своего архипастырства. Оскорбленный переводомъ изъ Кишинева—Иринархъ въ Каменецъ Подольскъ держалъ себя замкнуто, ни съ кѣмъ не сближался, и имѣлъ дѣло только съ бумагою, которая одна никогда не даетъ понятія о людяхъ. До 20-ти прошеній апелляцій я сразу получилъ изъ Св. Синода на разсмотрѣнiе; апелляторы жаловались, что они лишены мѣсть безъ суда и слѣдствiя, и просили о возвращенiи приходоѡ. И чтожь? При внимательномъ разслѣдованiи оказалось, что виновныхъ два, три священника, которые устранены отъ мѣсть справедливо.—а прочiе по резолюціямъ преосвященнаго Иринарха на письмахъ польскихъ помѣщиковъ—безъ разбирательства. И пришлось мнѣ устраивать потерпѣвшихъ напрасно. Тутъ мнѣ открылось, какъ способны клеветать поляки на православное духовенство, и какъ нужно быть архіерею осторожнымъ въ своихъ дѣйствiяхъ по отношенiю къ духовенству. Консисторiя Подольская злоупотребляла въ своихъ постановленiяхъ, взяточничество усилилось до того, что буквально снимали канцелярскіе чиновники сапоги съ бѣдняковъ причетниковъ, если у нихъ не было денегъ. Кто же однако виноватъ въ этомъ? Развѣ преосвященный не могъ прекратить злоупотребленiя? Онъ и пальцемъ не двинулъ для этого, а утверждалъ—что хотѣли заправилы взяточники. Мнѣ и пришлось начать съ Консисторiи, — и тяжелая доставалась работа—направлять дѣло на новый путь, и бороться съ своими же помощниками. Но я не щадилъ своихъ силъ, и въ продолженiи четырехъ, пяти лѣтъ, не ложился ранѣ двухъ часовъ ночи,—и при Божiей помощи успѣлъ измѣнить направленiе, настроить дѣло на хорошiй ладъ. Четыре секретаря Консисторiи, можно сказать, паши подъ бременемъ занятiй своихъ, добросовѣстно трудясь во время моего управленiя Епархіею.—подъ моимъ руководствомъ; за то Консисторiя обновила въ своемъ направленiи. Тяжело это досталось мнѣ. Кляузы и пасквильныя прошенiя въ Св. Синодъ составлялись въ самой же Консисторiи подъ рукою; но подлая интрига не достигла своей цѣли.

Давши Консисторiи новое направленiе, я взялся, высмо-

трѣвши состояніе духовенства, за улучшение его.—положивши за правило: — дѣйствовать постепенно, — но твердо. Постепенность въ моральныхъ дѣйствіяхъ—это условіе, безъ котораго никогда нельзя достигнуть высшихъ результатовъ. Кто хочетъ разомъ всё сдѣлать, тотъ желаетъ невозможнаго; но постепенность ослабѣетъ въ силѣ безъ твердости въ проведеніи въ жизнь извѣстныхъ правилъ. А твердость требуетъ энергіи, не запальчивости, не вспышекъ временныхъ, а напряженія силы воли живого и одушевленнаго любовію къ ближнему. Я держался этого правила,—и въ продолженіи одиннадцати почти лѣтъ Богъ помогъ мнѣ достигнуть результатовъ самыхъ желанныхъ. Что сдѣлано мною—это описано въ книгѣ 25-лѣтія моего архіерейства протоіереемъ Страшкевичемъ, и описано вѣрно, хотя и не подробно, что и трудно сдѣлать. Съ своей стороны скажу, что я дѣйствовалъ не по честолюбію, не для выказыванія себя и не для тщеславія, а по ревности къ долгу и къ славѣ Божіей; отъ того и вышли плоды добрые: кто ищетъ себя—своей славы въ дѣлахъ вѣры и церкви, тотъ не можетъ рассчитывать на прочность ихъ.

Главные недостатки Подольскаго духовенства, которые пришлось мнѣ искоренять,—это сутяжничество, заносчивость, роскошь въ жизни и какія-то панскія отношенія къ прихожанамъ. Всѣ эти недостатки значительно ослаблены были, если не совершенно искренены въ продолженіи моего служенія въ Подоліи,—но ослаблены неослабнымъ напоминаніемъ, увѣщаніемъ словеснымъ, личнымъ, и по извѣстнымъ обстоятельствамъ, и взысканіями—иногда и строгими. Новые, рукоположенные мною священники начали новую эру; а ихъ посвящено, помнится, 533, болѣе третьей части Епархіи. Къ чести Подольскихъ пастырей надобно сказать, что при довѣриіи и любви къ своему архіерею, духовенство готово на всякое самоотверженіе и на ласковое съ нимъ обращеніе отвѣчаетъ внимательностію ко внушеніямъ: готово вынести самое строгое взысканіе отъ архіерея, лишь бы не конфузить его публично предъ другими,—и я полагаю,—это уважительное желаніе. Нельзя же трактовать священника какъ какогонибудь лакея, да и лакей требуетъ нынѣ вѣжливости. И потому сами архіереи виноваты, если получаютъ оскорбленія отъ тѣхъ, которыхъ оскорбляютъ своими ругательствами.—

Худо—когда поблажаютъ духовенству своею слабостію, но худо когда и за мухой гоняются съ обухомъ. Вездѣ нужна мѣра, своя психологія. Архіерей-чиновникъ не соответствуетъ идеалу пастыря, который душу свою полагаетъ за овцы своя. Вотъ послѣ меня уже пятый архіерей въ Подоліи,—и къ сожалѣнію не хватаетъ у моихъ преемниковъ ни терпѣнія, ни умѣнія дѣйствовать по-архипастырски. Замѣнившій меня преосвященный Θεогностъ, бывшій мой викарій, Епископъ Балтскій,—по своему робкому характеру, формализму и нерѣшительности не могъ управиться съ Епархіею Подольской и перепросился на Владимірскую. Мой же викарій по Холмско-Варшавской каѳедрѣ Епископъ Маркеллъ, поступивши Епископомъ въ Подолію, распустилъ все, и чуть не уніатство вводилъ,—и надо его было убрать отсюда. Преосвященный Викторинъ покойный сразу круто поворотилъ, да и скоро скончался. Іустинъ крѣпко бранился, и пачкалъ духовенство всѣми мѣрами предъ Св. Синодомъ, хотя себѣ позволялъ многое и неприличное; возбудилъ къ себѣ въ большинствѣ ненависть, и просилъ перемѣщенія. Что сдѣлаетъ, какъ будетъ управлять Донатъ,—услышимъ. Выходить, что всякъ молодецъ на свой образецъ,—ищутъ себя, а не хотятъ работать съ терпѣніемъ и самоотверженіемъ и немощи немощныхъ носить.

Много безпокойствъ вытерпѣлъ я въ Подоліи первые годы своего служенія въ борьбѣ съ застарѣлыми нравственными болѣзнями духовенства. Но гдѣ борьба, тамъ и тревога. Были священники, совершенно недостойные своего сана, безсовѣстные сутяги, и безнравственные люди; они и потерпѣли должное наказаніе—строгое. И было бы грѣшно изъ за десятка негодныхъ бросать грязь на всю массу духовенства, болѣе чѣмъ на полторатысячнаго. Большинство, при мѣстныхъ недостаткахъ, болѣе или менѣе неизбѣжныхъ,—было хорошо. Были пастыри, и не мало ихъ, которые могли служить образцами пастырской дѣятельности. Такіе пастыри много облегчали мнѣ направленіе слабыхъ и хромающихъ на обѣ плесни сослуживцевъ. При обзорѣни приходовъ и церкви Подольской Епархіи, по обычаю я собиралъ въ известномъ пунктѣ цѣлый округъ благочинія, а иногда и два вмѣстѣ, для отчетливости и наставленій съ моей стороны. И наставленія, устные собесѣдованія, приносили громадную

пользу, несравненно большую, чѣмъ официальные предписанія. Обращеніе къ совѣсти пастырей—имѣло сильное вліяніе. Въ томъ или иномъ округѣ встрѣчались священники неоднократно подвергавшіеся взысканіямъ, и неисправлявшіеся. Скорбя о неисправности таковыхъ, я обращался къ благочинному въ присутствіи ему подвѣдомыхъ съ такою рѣчью: „Вотъ о. благочинный и вы отцы, я не знаю, что сдѣлать съ N. N. терпѣніе мое истощается; я долженъ буду употребить послѣднюю мѣру—лишить сана. Если вы возьмете на себя ручательство за исправленіе ихъ, и съ своей стороны подѣйствуете братски ради семействъ, я еще потерплю“. И что же вы думаете? Соборъ пастырей, давъ ручательство, исправлялъ собратій лучше всякихъ каръ. Были и несчастные случаи, о которыхъ я вспоминаю съ сожалѣніемъ. Разъ какъ-то при приемѣ просителей въ Каменцѣ Подольскѣ съ испугомъ келейный докладываетъ мнѣ, что священникъ Моракевичъ пьяный пришелъ и стоитъ въ прихожей, имѣя у себя ножъ и хвалится, что зарѣжетъ меня. Я ушелъ въ кабинетъ, прекратилъ приемъ. На другой день приходитъ тотъ же священникъ уже трезвый. Я велѣлъ прежде осмотрѣть его, и принялъ. Спрашиваю, „зачѣмъ вы приходили ко мнѣ вчера пьянымъ и съ ножомъ?“ — „Это неправда“, говоритъ.—„Лжешь ты, отецъ. Не исправляешься ты, и Богъ тебя накажетъ. Не дойдешь ты домой, и на дорогѣ умрешь—пожалуй—за свой поступокъ“. Такъ и случилось; за нѣсколько верстъ, не доѣзжая села,—онъ скоропостижно умеръ. И мнѣ же пришлось устраивать его семью несчастною. У Моракевича—былъ замѣчательный теноръ, и онъ состоялъ въ архіерейскомъ хорѣ при архіерей Иринархѣ; за голосъ онъ сдѣлалъ его діакономъ, оставивъ и въ хорѣ, а при отъѣздѣ въ Рязань, возвелъ и на степень священства, давъ приходъ, несмотря на то, что поведеніе его было зазорное. Кто же виноватъ тутъ? Для чего пьянаго буяна сдѣлать священникомъ?! Другой случай. Одинъ порядочный священникъ сдѣлалъ проступокъ неблаговидный. Вызвавши его къ себѣ, я убѣждалъ—сознаться откровенно; но онъ запирался и отвергалъ справедливость доноса. Долго я бесѣдовалъ съ нимъ; наконецъ, сказалъ: „Послушайте, отецъ, вы рискуете: подумайте о смерти, вѣдь есть судъ Божій“,—съ тѣмъ и отпустилъ его. Что же? Съ дороги уже, отфхавъ

отъ Каменца верстѣ 40,—пишетъ мнѣ: „Простите Владыко, я виноватъ, я умираю!“ (что-то въ желудкѣ смертельное случилось), и я послалъ ему прощеніе. Съ этихъ поръ я положилъ себѣ за правило быть осторожнымъ въ словахъ. Несознательность духовенства въ своихъ винахъ въ первое время меня очень сердила. Время впрочемъ ослабило этотъ порокъ, когда увидѣли, что сознаніе облегчаетъ вину.—

О Подольской семинаріи.

Семинарію Подольскую я нашелъ въ неблагопріятномъ видѣ по случаю раздора между ректоромъ и наставниками, а отсюда и безпорядка между учениками. Раздоръ этотъ начался еще до назначенія моего на Епархію. Академическимъ Правленіемъ по распоряженію Кіевскаго Митрополита Арсенія назначено было слѣдствіе. Дѣло шло довольно долго, и только къ соблазну учащихъ и учащихся. Чтобы прекратить раздоръ, я просилъ Св. Синодъ перемѣстить ректора архимандрита Палладія († еп. Олонецкимъ); и онъ перемѣщенъ въ Орловскую Семинарію. Палладій—сибирякъ по происхожденію, имѣлъ характеръ совсѣмъ неподходящій къ Западному краю; грубый и безтактный—онъ вооружилъ противъ себя всѣхъ. Надѣясь на протекцію Брауншвейга (губернатора) (?), онъ и ко мнѣ относился невнимательно. На мѣсто Палладія, по моему ходатайству, перемѣщенъ Орловскій ректоръ архимандритъ Теогностъ, мой прежній сослуживецъ по Новгородской Семинаріи. Дѣло пошло на ладъ. Мы взяли за Семинарію съ энергіею,—и поставили дѣло хорошо. Миръ водворился. Но Теогностъ при постройкѣ новой Семинаріи ослабилъ свое здоровье; и я выхлопоталъ его себѣ викаріемъ съ именемъ Епископа Балтскаго, и намѣстникомъ Свято-Троицкаго монастыря. Здѣсь онъ здоровьемъ поправился и былъ хорошимъ викаріемъ. Мѣсто его занялъ архимандритъ Мемнонь (нынѣ Епископъ Елисаветградскій), котораго я просилъ Св. Синодъ назначить по рекомендаціи Теогноста; и онъ оказался не очень пригоднымъ по мѣсту, и скоро уволился. Я выхлопоталъ ему Пинскій монастырь въ управленіе. Затѣмъ началось выборное начало. Выбранъ протоіерей г. Винницы, магистръ Вознесенскій; но не вступивъ и въ должность скончался въ Винницѣ отъ чахотки.

За нимъ избранъ протоіерей изъ Житомира Княжинскій, который и былъ ректоромъ все остальное время моего служенія въ Подоліи. Упоминаю объ этомъ для того, чтобы показать, какъ много заботъ при перемѣнахъ, доставляла мнѣ Семинарія. При Мемнонѣ, напримѣръ, я самъ преподавалъ ученикамъ высшаго отдѣленія пастырское богословіе.

Сколько я трудился для пользы Подольской Семинаріи,—довольно обстоятельно описано прот. Страшкевичемъ въ его книгѣ о моемъ 25-лѣтніи архіерейства. Онъ—живой свидѣтель дѣла. Я внимательно слѣдилъ за Подольскою Семинаріею во всѣхъ отношеніяхъ, и результаты были весьма утѣшительныя, какъ показала ревизія, бывшая при мнѣ, и личные отзывы бывшаго оберъ-прокурора Св. Синода графа Д. А. Толстого. Чтожъ потомъ сдѣлали съ этою лучшею Семинаріею? Увы! Немного прошло времени послѣ моего отбытія изъ Подольской Епархіи,—и вдругъ лучшая Семинарія очутилась въ положеніи худомъ. Посыпались на нее разныя бѣды. Новый ревизоръ Миропольскій далъ отзывъ почти противоположный прежнему, засвидѣтельствованному Толстымъ. Гдѣ причина этому главная, хотя и невидимая? Могу сказать положительно—въ личности Миропольскаго, который былъ въ дурныхъ отношеніяхъ съ Зинченкомъ, и въ приказаніи Васильева, бывшаго председателя Учебнаго Комитета—отыскать во чтобы-то ни стало птохія стороны въ Семинаріи,—что конечно, нетрудно сдѣлать; ибо и на солнцѣ есть пятна. Нашли въ Семинаріи и социализмъ и нигилизмъ въ нѣкоторыхъ, открыли то, чего и не было,—и все во имя предвзятой идеи и подпольныхъ доносовъ. Будь я еще въ то время въ Каменцѣ Подольскѣ,—конечно, не допустилъ бы своевольничать ревизору, и разъяснилъ бы факты, а то преосвященный Богностъ (да будетъ ему стыдно), по своей робости и мелкому ребяческому самолюбію, свалилъ всю вину на другихъ. Несомнѣнно то, что и при мнѣ уже начала дѣйствовать подпольная крамола нигилистовъ, проникавшая отчасти и въ Семинарію; но я принималъ мѣры къ ея предотвращенію, и своимъ авторитетомъ удерживалъ порывы агитаторовъ, проникавшихъ въ гимназій и посредственно въ Семинарію, какъ послѣ оказалось. Міазмы моральныя сосредоточивались въ нѣкоторыхъ чиновникахъ, пособникахъ эмисарамъ нигилистовъ; и о нихъ говорено

было жандармеріи. Проявленій—дурныхъ при мнѣ не замѣчалось. Но когда я уже былъ въ Одессѣ, стали ко мнѣ доходить недобрые слухи отъ учениковъ же бывшихъ—студентовъ Новороссійскаго Университета, что вольнодумство проповѣдоваль имъ преподаватель Св. Писанія Симашкевичъ, онъ и сѣялъ либерализмъ, который, сдѣлавшись ректоромъ, беспощадно преслѣдовалъ, выдавая власти гражданской молодыхъ людей, читавшихъ социалистическія и нигилистическія бредни, распространявшіяся какою-то невидимою рукою по духовнымъ заведеніямъ. Желая выставиться, и себя оправдать, онъ слагалъ вину на инспектора и своего предмѣстника ректора за недосмотръ. Великую вину на совѣсти долженъ имѣть Симашкевичъ—за свою недобросовѣстность. Будучи самъ внутреннею причиною (по прежней дѣятельности) недобраго настроенія учениковъ,—онъ обвинялъ и ихъ и своихъ сослуживцевъ въ безпорядкахъ, выдавая головою первыхъ за чтеніе дурныхъ сочиненій, доставляемыхъ отъ инуда. Не оправдывая молодежи пострадавшей, скажу, что иной педагогическій образъ дѣйствій—не принесъ бы плачевныхъ плодовъ.

Грустно мнѣ было слышать дурное о Подольской Семинаріи, о которой я такъ заботился. Если бы мои преемники почаще посѣщали Семинарію и говорили съ учениками, какъ я, думаю, что внѣшнія худыя вліянія не имѣли бы силы; между тѣмъ, только мнѣ извѣстно, и Θεогность и Маркеллъ въ самое безпокойное время устраняли себя и держались въ сторонѣ за бездушною формою бумагъ. Когда по моему совѣту перемѣнили ректора, дѣло пошло иначе,—и Семинарія Подольская теперь опять поправилась. Распространился я о Подольской Семинаріи для того, чтобы высказать свой взглядъ на послѣдующія въ ней послѣ меня—происшествія, и указать мысль, что истинная педагогія, психологическій образъ дѣйствій начальства—лучшее средство къ предотвращенію дурного вліянія совнѣ на воспитывающееся въ учебныхъ заведеніяхъ юношество.

Поработавъ, можно сказать, энергически для Подоліи, почти одиннадцать лѣтъ, испытывъ много отъ борьбы и непріятностей, я желалъ уже перемѣны для себя. Когда открылась Ярославская Епархія, за смертію преосвященнаго Нила, я въ частномъ письмѣ къ митрополиту Исидору выразилъ

свое желаніе перемѣститься въ Ярославль. Хотѣлось пожить на Руси, подышать чисто русскимъ воздухомъ. Случилось иное. Въ Ярославль перемѣщенъ архіепископъ Херсонскій Дмитрій, а я переведенъ на его мѣсто—въ Одессу. Высочайшее опредѣленіе состоялось 16 Октября 1884 г. Я простился съ Подолією, и 19-го Ноября прибылъ на новую паству.

Управление Херсонскою Епархією.

При торжественной, по обычаю, встрѣчѣ меня въ Одесскомъ кафедральномъ Соборѣ духовенствомъ и гражданскими властями, протоіерей кафедральный А. Лебедницевъ сказалъ мнѣ рѣчь, которая по своему содержанию произвела на меня впечатлѣніе не очень-то пріятное. Ораторъ выразилъ страхъ какой-то, и опасеніе за недостатки духовенства, опасеніе выскательности съ просьбою о пощадѣ. Откуда могла взяться мысль о преувѣличенной строгости моей въ Подоліи, не понимаю. Вѣроятно люди, понесшіе справедливое наказаніе, по сосѣдству Епархіи, разносили толки о моей строгости, которой я не отвергаю,—но всегда она растворялась и милостію для покоряющихся моимъ распоряженіямъ. Я отвѣчалъ на рѣчь протоіерея краткими словами: „Откуда страхъ! *Страха нѣтъ въ любви: совершенная любовь вонъ изгоняетъ страхъ*“. Опасеніе за свои несправности Лебедницевъ высказалъ, пожалуй, и справедливо; потому что доброта и крайняя снисходительность моего досточтимаго предмѣстника была поводомъ къ нѣкоторой распущенности въ духовенствѣ, которая однако жъ легко была исправима, по крайней мѣрѣ въ самой Одессѣ, гдѣ духовенство образованное. Здѣсь—въ Одессѣ на первыхъ порахъ я встрѣтилъ страшный беспорядокъ въ архіерейскомъ домѣ въ матеріальномъ отношеніи; оказалось долгу до 40,000, и въ запасѣ ни копѣйки. Злоупотребленія эконома, еще до моего пріѣзда уволеннаго отъ должности и находившагося подъ судомъ, были вопіющія. Это тотъ самый іеромонахъ Іоаннъ, который вмѣстѣ съ іеродіакономъ Арсеніемъ (Щипуновымъ), высланъ былъ изъ Іерусалимской нашей миссіи съ запрещеніемъ священно-

служенія, подъ надзоръ Одесскаго Епархіальнаго начальства. Ловкій господинъ скоро успѣлъ обойти архіепископа Дмитрія, который скоро разрѣшилъ ему священнослуженіе и сдѣлалъ его экономомъ. Думаю, что сдѣлано было такъ по рекомендаціи Казанскаго архіепископа Антонія, у котораго еще въ Кіевѣ Іоаннъ былъ келейнымъ. Когда выслали Іоанна (Бойкова) изъ Одессы, онъ нашелъ пріютъ въ Казани у своего благодѣтеля, и якобы Антоній и скончался на его рукахъ. Удивительно, какъ досточтимый архіепископъ ошибался въ немъ! Упомянулъ я о пресловутомъ Іоаннѣ потому, что въ свое время исторія о немъ была въ Одессѣ шумная. По его милости три мѣсяца пришлось мнѣ на свой счетъ содержать архіерейскій домъ, пока не получено ассигнованія нужной суммы изъ хозяйственнаго Управленія при Св. Синодѣ. Хора архіерейскаго почти не существовало и надобно было не безъ труда устроить его, и онъ устроенъ только благодаря бывшему городскому головѣ Н. А. Новосельскому, пехлопотавшему по моей просьбѣ у Думы 6000 р. на содержаніе пѣвчихъ. За дѣло принялся я съ большою горячностью; меня толкала какъ бы невидимая какая-то сила спѣшить дѣломъ; и я сразу поднялъ вопросъ объ устройствѣ дома для женскаго епархіальнаго училища, для мужскаго Одесскаго, для архива и квартиръ чиновниковъ, для Семинаріи домовоі церкви. Все мнѣ это удалось начать при себѣ и вчернѣ почти возведены были зданія. Поправлялъ я архіерейское помѣщеніе на сумму 6000 р. Все это сказано на основаніи данныхъ въ книгѣ о. Страшкевича; тамъ же и о распоряженіяхъ по Епархіи послѣ ревизіи. Пока исправлялось помѣщеніе архіерейское на второмъ этажѣ, я жилъ въ нижнемъ, сыроватомъ и неудобномъ; къ тому же и болѣлъ лихорадкою отъ неосторожнаго кушанья въ морѣ. Въ этомъ помѣщеніи въ одинъ вечеръ (въ мѣсяцѣ Августѣ) вдругъ я вижу сонъ, якобы подходит ко мнѣ покойный архіепископъ Иннокентій, беретъ за руку, и говоритъ: „а, вы переустраиваете квартиру, пойдемъ посмотримъ, хорошо: однакожь вы тутъ не обезаветесь“. Вздрогнулъ я проснувшись, и подумалъ: „странно что-то“, и не обратилъ вниманія на сонъ. Вспомнилъ о немъ, когда пришло время черезъ четыре мѣсяца послѣ этого оставить Одессу. Перебрался я въ отдаленное заново помѣщеніе къ Сентябрю 1874 г. и очень ра-

довался, что прекрасно здѣсь жить; комнаты удобныя, изящныя, видъ на море чудный. Это не то, что въ Каменцѣ Подольскѣ. Думаю—здѣсь и умереть мнѣ. А вышло иное; ровно годъ пришлось тутъ пожить.

Леонтій, Митрополитъ Московскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).
